

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08)

ДЕСЯТЬ АПОРИЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

А.Г. Арбатов

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности, Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, email: arbatov@imemo.ru

Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания. — Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 88–111. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08>

Статья поступила в редакцию: 12.04.2021. Принята к публикации: 25.05.2021.

Аннотация. Нарастание международной напряженности и рисков сползания к ядерному конфликту на фоне эрозии системы договоров по контролю над вооружениями между Россией и Западом становится центральной темой современного политического дискурса. Автор анализирует противоречия теории и практики ядерного сдерживания. В частности, в статье рассматриваются психологические аспекты сдерживания, дихотомия его функций предотвращения и ведения ядерной войны, концепций первого и ответного удара, диалектика обороны и нападения, планы ограниченной ядерной войны, эффект смешивания ядерных и обычных вооружений. Автор доказывает, что, подобно апориям древнегреческого философа Зенона, эти парадоксы неразрешимы в рамках заданной логики — в данном случае логики ядерного сдерживания. Решение видится автору в выходе за эти рамки — на пространство договорно-правовых мер контроля над вооружениями.

Ключевые слова: ограниченная ядерная война, ответно-встречный удар, эскалация, баллистические ракеты, гиперзвуковые системы, космическое оружие, кибервойна, противоракетная оборона, контроль над вооружениями.

Жаль, что древнегреческий философ Зенон две с половиной тысячи лет не дожил до наших дней. Несомненно, что в современной жизни он нашел бы куда больше примеров для своих апорий — логических парадоксов, неразрешимых в заданных рамках анализа ситуации¹. Причем в наше время поиск ответа на них — это зачастую не интеллектуальная забава, а кардинальный вопрос жизни и смерти современной цивилизации. Например — когда речь идет о теории “ядерного сдерживания” и ее материальном фундаменте в виде арсеналов ядерного оружия массового уничтожения. Вообще, вся проблематика ядерного сдерживания — это на редкость плодородное поле парадоксов и логических загадок, которые постоянно причиняют головную боль тем, кто профессионально занимается вопросом, и способны ввергнуть в смятение тех, кто озабочен судьбами мира по моральным мотивам.

В начале 2000-х годов в ходе посещения одной из стратегических ракетных баз группой депутатов Госдумы (с участием автора этой статьи в качестве

¹ Самая известная апория Зенона — “Ахиллес и черепаха”: согласно ей, несмотря на свою превосходящую скорость, Ахиллес не способен догнать черепаху, изначально стоящую на некотором расстоянии впереди него. По Зенону, к моменту достижения Ахиллесом точки старта черепахи она хотя бы немного уйдет вперед, а по достижении бегуном следующей точки положения черепахи она опять продвинется — и так без конца. Логическая “ловушка” в том, что каждый раз время отсчитывается дискретно — до следующей точки местоположения черепахи, тогда как время представляет собой континуум, и небольшое продление его отсчета продемонстрирует опережение Ахиллеса.

заместителя председателя Комитета по обороне) в ответ на поощрение за отличную службу молодой офицер отрапортовал: “Мы просто выполняем свой долг, потому что понимаем, что может случиться, если наши ракеты не будут запущены”. Позже я в частном порядке спросил его: “А действительно, что может случиться, если ракеты не взлетят?” Он ответил: “Тогда назначенные нам цели не будут поражены”. Я продолжил: “А вы понимаете, что момент старта ваших ракет будет означать, что вы не выполнили свою первостепенную задачу — сдерживания агрессии? Ваш ракетный удар накажет агрессора, но не спасет Россию от катастрофических последствий ядерной войны”. Офицер замешкался, но быстро нашелся: “Решать такие вопросы — задача политиков, а мы делаем то, чему нас учили”. Он ответил совершенно правильно, но сам того не ведая, затронул главный парадокс всей теории и практики ядерного сдерживания.

На Валдайском форуме в октябре 2016 г. президент Путин заявил: “Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире”, и его нельзя “рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии”². Действительно, за неимением эффективной обороны от ядерных ракет безопасность великих держав зиждется на их потенциалах ядерного возмездия в ответ на возможное нападение противника. Этот потенциал потребляет огромные финансовые средства, материальные и людские ресурсы. Но ядерные силы нельзя считать носителем ядерного сдерживания — они лишь его предпосылка. А сдерживание должно обитать в головах руководителей государств, являющихся “адресатом” сдерживания. И если они неправильно понимают, какие их действия могут вызвать применение другой державой ядерного оружия, то сдерживание рухнет, и теория молниеносно воплотится в практику в виде обмена ядерными ударами с непоправимыми последствиями для сторон. Тогда окажется, что все предыдущие затраты и усилия не смогли защитить национальную безопасность только потому, что не нашли адекватного отражения в сознании потенциального противника. В этом состоит *первая “апория ядерного сдерживания”*. Куда там Зенону с его “Ахиллесом и черепахой”!

Ядерное сдерживание — это особая сфера менталитета руководителей и политических элит в военно-стратегических отношениях государств. Но это не абстрактная философия в зеноновском духе. Упомянутый менталитет использует плоды научно-технического прогресса и экономические ресурсы для своего воплощения в материальную субстанцию — арсеналы ядерных вооружений и планы их боевого применения. Настоящая статья посвящена анализу ряда основных парадоксов этой исключительно противоречивой области современных международных отношений. Вывод автора состоит в том, что в заданных рамках теории и практики ядерного сдерживания его парадоксы (апории) — при всей их опасности — не имеют логического решения. Только выход за эти рамки на поле логики контроля над вооружениями способен снизить остроту отношений ядерного сдерживания, воплотить пересмотр логических схем в материальную реальность как основу упрочения взаимной безопасности.

² Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — Президент России. Официальный сайт. 27.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (accessed 29.05.2021).

ГЕНЕЗИС ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Доктрина ядерного сдерживания явилась симбиозом идеи политического давления на противника угрозой военной силы и революции в ядерной физике, создавшей оружие безграничной разрушительной мощи. Первое уходит истоками в глубь тысячелетий, а вот второе не сразу породило доктрину ядерного сдерживания.

Как вспоминал президент США Г. Трумэн, после первого испытания атомной бомбы 16 июля 1945 г. он “считал бомбу военным средством и никогда не сомневался, что она должна быть применена” [Newhouse: 1989: 41], что и было сделано 6 и 9 августа того же года против Хиросимы и Нагасаки. Но 29 августа 1949 г. Советский Союз тоже испытал атомную бомбу — намного быстрее, чем ожидали в США. В дальнейшем обе державы бешеными темпами наращивали ядерные арсеналы вовсе не для сдерживания, а для победы в казавшейся неминуемой войне. Идея ядерного сдерживания пребывала только в трудах таких американских теоретиков, как Т. Шеллинг, Г. Киссинджер и Б. Броуди [Brodie 1955].

Официальная американская доктрина “массированного возмездия” 1950-х годов предполагала с началом любого вооруженного конфликта с СССР мощный авиационный налет и сброс 4 700 ядерных бомб на СССР, КНР и их союзников [Kaplan 1983: 269], в результате которого человеческие жертвы этих и соседних нейтральных стран составили бы порядка 800 млн убитыми [Ellsberg 2017: 100-104]. Предполагалось, что ответного советского удара по США не будет, и победа обойдется им потерями только союзных государств Европы и Азии.

Лишь создание межконтинентальных авиационных, а затем ракетных носителей ядерного оружия Советским Союзом заставило Соединенные Штаты всерьез начать переоценку взглядов на глобальную войну, поскольку лишило США традиционной недосыгаемости за двумя океанами. Идея ядерного сдерживания вышла на передний план государственной военной политики США, и ее выразил министр обороны Р. Макнамара, пришедший в Пентагон по приглашению президента Джона Кеннеди в 1961 г. Он сразу отдал приказ о пересмотре доктрины “массированного возмездия” и отказе от единовременного удара по городам противника, но сначала попытался экспериментировать с концепцией ударов по его военным объектам (концепция “Контрсилы” 1962 г. и концепция “Ограничения ущерба” 1964 г.).

Одновременно гонка ракетно-ядерных вооружений достигла беспрецедентных темпов, не превзойденных ни до того, ни по сей день. Через шесть лет, к концу 1967 г., число стратегических баллистических ракет США выросло в 40 раз³, в 1963-1965 гг. средние темпы наращивания ракет составляли по одной межконтинентальной баллистической ракете (МБР) наземного базирования

³ В начале 1961 г. в американских стратегических силах было 12 допотопных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) типа “Атлас” и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами, несшие по 16 баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) типа “Поларис А-1”. В 1967 г. в боевом составе была 1000 МБР “Минитмен-1” и “Минитмен-2”, 54 МБР “Титан-2”, а также 41 подводная лодка с 656 БРПЛ “Поларис А-3” и “Поларис А-2”. В реальности масштаб наращивания стратегических сил был еще больше, поскольку по ходу дела были приняты на вооружение, а потом быстро сняты до 500 ракет типа “Атлас”, “Титан-1”, “Минитмен-1”, “Поларис А-1”. Параллельно было развернуто около 200 бомбардировщиков Б-52 и Б-58. Число носителей стратегических ядерных сил (СЯС) возросло с 1 850 до 2 500 ед., а ядерных боезарядов — до 5 000 ед., причем 75% потенциала

в день и одной атомной подводной лодке с баллистическими ракетами (БРПЛ) в месяц. Но при немыслимой разрушительной силе ядерного оружия по мере его наращивания выявилось неумолимое сокращение возможности его реального военного и политического применения.

Это можно считать *второй “ядерной апорией”*, которая неразрешима без революционного научно-технического прорыва в области наступательных или оборонительных вооружений. Она проистекает из абсолютной разрушительной мощи ядерного оружия, которая дает возможность даже небольшим его количеством превратить в “хиросимы” несколько десятков больших городов любой сверхдержавы и причинить ей неприемлемый ущерб. К тому же ответное увеличение ракетно-ядерного потенциала СССР, пусть с огромными затратами и отставанием на несколько лет, неуклонно вело к стратегическому паритету⁴.

Макнамара в своей нашумевшей речи (1967 г., Сан-Франциско), ставшей его стратегическим завещанием, публично сделал выводы из сложившегося положения: “Сдерживание преднамеренного нападения на Соединенные Штаты и их союзников гарантируется поддержанием высоконадежной способности навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора... даже после принятия на себя всей мощи его первого удара” [McNamara 1968: 51-67]. Что было еще более непривычно, министр в тех же терминах признал возможность противника причинить ответным ударом неприемлемый ущерб США даже после их первого удара. Вызывающе объективным был его анамнез механизма гонки вооружений: “Каковы бы ни были их намерения, каковы бы ни были наши намерения, действие... каждой стороны, относящееся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывает противодействие другой стороны. Это именно тот феномен действие-противодействие, который питает гонку вооружений” [ibid.: 57]. Далее Макнамара предложил выход из замкнутого круга: “Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие-противодействие делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы” [ibid.: 57].

Так идея взаимного ядерного сдерживания получила путевку в жизнь на официальном уровне. Всего через пять лет эта идея была закреплена Договором об ограничении систем ПРО и Временным соглашением об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1) между СССР и США, подписанными на Московском саммите в мае 1972 г. Правда, за этим последовали еще два цикла гонки вооружений с огромными экономическими издержками и политическими опасностями, а глубокое сокращение ядерных вооружений началось только двадцать лет спустя. Но именно с начала 1970-х годов ядерное сдерживание вошло в обиход теории и практики стратегических отношений великих держав со всеми его парадоксами и противоречиями.

было практически неуязвимо, размещаясь в защищенных шахтных пусковых установках и на подводных лодках.

⁴ В 1967 г. СССР имел примерно 800 МБР шахтного базирования и принимал на вооружение крупную серию подводных ракетноносцев, обеспечившую постоянное боевое дежурство в Мировом океане [Стратегическое... 1998: 113-118, 227-230, 248-259].

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ИЛИ ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ?

Несмотря на почти десятикратное сокращение глобальных ядерных арсеналов, в основном за счет российско-американских договоров и односторонних шагов трех последних десятилетий, всеобщее и полное ядерное разоружение остается за горизонтом мировой политики. При этом великими державами на политическом уровне признано, что пока существует ядерное оружие, оно должно служить исключительно для сдерживания войны, а не для ее ведения с целью победы над противником. Проблема, однако, в том, что в контексте ядерного сдерживания между функцией предотвращения войны (*nuclear deterrence*) и функцией ведения войны (*nuclear warfighting*) грань весьма условна. Все девять нынешних ядерных государств официально обосновывают свои ядерные потенциалы задачей сдерживания (в случае Израиля — по умолчанию). Так, российская Ядерная доктрина, впервые опубликованная в июне 2020 г., провозглашает: “Российская Федерация рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой, и предпринимает все необходимые усилия для уменьшения ядерной угрозы и недопущения обострения межгосударственных отношений, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе ядерные”⁵.

В Обзоре ядерной политики от 2018 г. администрации Д. Трампа отмечалось: “Соединенные Штаты будут рассматривать применение ядерных вооружений только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов Соединенных Штатов, их союзников и партнеров”⁶. Новое правительство США под руководством Дж. Байдена в Предварительном докладе по национальной безопасности от марта 2021 г. подчеркивает: “Мы предпримем шаги с целью уменьшения роли ядерного оружия в нашей стратегии национальной безопасности, гарантируя при этом, что наше стратегическое сдерживание останется сохранным, неуязвимым и эффективным...”⁷

В то же время любой вариант ядерного сдерживания состоятелен тогда и только тогда, когда он опирается на материальную базу в виде ядерных вооружений и готовность их использовать в соответствии с принятыми военными доктринами, оперативными планами и перечнями предназначенных для поражения объектов вероятного противника. В российской Ядерной доктрине по этому поводу недвусмысленно сказано: “Ядерное сдерживание обеспечивается наличием в составе Вооруженных Сил Российской Федерации боеготовых сил и средств, способных путем применения ядерного оружия гарантированно нанести неприемлемый ущерб потенциальному противнику в любых условиях обстановки, а также готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие”⁸. Обзор ядерной политики

⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. No. 355. П. 5. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

⁶ Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

⁷ President Joseph Biden, Jr. Interim National Security Guidance. The White House, Washington, March 2021. P. 14. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 01.03.2021).

⁸ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 10. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

Трампа декларировал: “Ядерные силы США обеспечивают... достижение целей государственной политики США в случае провала сдерживания”⁹.

Можно предположить, что функция предотвращения ядерной войны предполагает ответный удар, а функция ведения войны — первый, и в этом содержится некое рациональное зерно. Но из девяти нынешних государств, проводящих политику ядерного сдерживания, семь открыто допускают возможность применения ядерного оружия первыми (Израиль — по умолчанию). Два (КНР и Индия) приняли обязательство о неприменении ядерного оружия первыми, которое, правда, сопровождается разными оговорками или зачастую считается зарубежными “адресатами” не более чем пропагандой.

В доктрине Трампа (как и прежде) вполне откровенно указывалось, что “для сохранения сдерживания и гарантий союзникам и партнерам Соединенные Штаты никогда не принимали обязательства о ‘неприменении первыми (ядерного оружия)’ и в свете нынешней окружающей среды угроз такая политики не оправданна и теперь”¹⁰. Военная доктрина России, помимо ядерного удара “в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения”, предусматривает возможность первого (превентивного) применения ядерного оружия “в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства”¹¹.

Российская Ядерная доктрина 2020 г. детализирует и дополняет это условие неядерными военными угрозами, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание (т.е. нацеливание и готовность к применению ядерного оружия): “...Развертывание государствами, которые рассматривают Российскую Федерацию в качестве потенциального противника, систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия направленной энергии”, а также “средств предупреждения о ракетно-ядерном ударе”. По аналогии с американским Обзором 2018 г. еще указано, что поводом ядерного удара РФ также может стать “воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты Российской Федерации, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил”¹². Этот перечень предполагает заметное расширение диапазона сценариев и целей первого ядерного удара.

Дихотомию ядерного сдерживания в его функциях — предотвращение и ведения ядерной войны — можно расценивать как *третью “аперию ядерного сдерживания”*. Ведь предполагается, что сдерживание призвано предотвратить войну, но основывается оно на реальных, по большей части секретных планах

⁹ *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense. February 2018. Washington, DC. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

¹⁰ Ibidem.

¹¹ *Военная доктрина Российской Федерации*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

¹² *Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия*. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 9, 14, 19. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

ведения войны¹³. Они включают концепции первого применения ядерного оружия, с которого, собственно, и начинается ядерная война. Это противоречие усугубляется размытой гранью между планами и средствами нанесения первого и ответного ядерного удара.

ПЕРВЫЙ И ОТВЕТНЫЙ УДАР

Выступая в Сочи в октябре 2018 г., президент Путин красноречиво объяснил главный принцип ядерной доктрины России: «Наша концепция — это ответно-встречный удар... Это значит, что мы готовы и будем применять ядерное оружие только тогда, когда удостоверимся в том, что кто-то, потенциальный агрессор, наносит удар по России, по нашей территории. Никакой тайны вам не расскажу: у нас создана система, и мы ее совершенствуем постоянно, она нуждается в совершенствовании — СПРН, система раннего предупреждения о ракетном нападении. То есть эта система фиксирует в глобальном масштабе, какие старты стратегических ракет из Мирового океана, с какой-то территории произведены. Это первое. И второе — она определяет траекторию полета. Третье — район падения головных частей ядерного оружия. И когда мы убеждаемся (а это все происходит в течение нескольких секунд), что атака идет на территорию России, только после этого мы наносим ответный удар...»¹⁴

Из девяти ядерных держав лишь Россия и Соединенные Штаты имеют возможности ответно-встречного удара, поскольку располагают необходимой для этого оперативно-технической базой. В скобках заметим, что описанный ответно-встречный удар, очевидно, не относится к применению оперативно-тактического ядерного оружия Сухопутных войск, ВМФ и ВКС, по которому Россия, возможно, превосходит остальные восемь стран мира в сумме и которое не приспособлено к такому способу применения¹⁵.

Для военного менталитета есть неодолимая психологическая привлекательность немедленного и максимально мощного ответного ядерного удара и для этого — поддержания высочайшей степени боеготовности войск и сил. Рационально эта концепция обосновывается, во-первых, необходимостью вывода из-под удара стратегических ядерных сил для осуществления возмездия агрессору. Правда, при любом раскладе после первого удара противника останется достаточно выживших средств для сокрушительного ответа (подводные ракетоносцы в море, наземно-мобильные МБР, бомбардировщики в воздухе). Но военные не желают смириться с перспективой потерять значительную часть своего оружия в результате нападения противника и не исполь-

¹³ Диссонанс двух функций сдерживания дошел до абсурда, когда в СССР создавалась так называемая система *Мертвой руки*, призванная гарантировать ответный удар даже в случае уничтожения военно-политического руководства страны. Предусматривалась возможность автоматизации выдачи команды на ответный запуск ядерных ракет на основе получения информации датчиков поражающих эффектов ядерных взрывов (ударная волна, тепловое и радиационное излучение и пр.). Теоретически это должно было стать абсолютной гарантией возмездия и тем самым надежным залогом ядерного сдерживания. Однако при параноидальной советской секретности система сохранялась в тайне от противника и тем самым могла лишь гарантировать возмездие в случае войны при нулевом эффекте для сдерживания.

¹⁴ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 18.10.2018. — *Президент России. Официальный сайт*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed 30.05.2021).

¹⁵ Независимые оценки насчитывают у России порядка 1830 ед. такого ядерного оружия, а у остальных восьми государств — примерно 850 ед. [SIPRI Yearbook....: 2019: 286-348].

зовать его целиком для поражения всех запланированных целей (вспомним диалог на ракетной базе, приведенный в начале данной статьи).

Второй довод — вероятность уничтожения ядерным ударом государственного руководства и других звеньев боевого управления, что затруднит (или вообще не позволит) передать санкцию на осуществление возмездия. Концепция ответно-встречного удара была впервые официально обнародована в Ядерной доктрине РФ от 2020 г., где среди условий, определяющих возможность применения ядерного оружия, в первую очередь названо “поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории Российской Федерации и (или) ее союзников”¹⁶.

Тем не менее целесообразность такого ответа следует поставить на одни весы с риском развязывания ядерной войны из-за технического сбоя или политического просчета. Помимо вполне вероятных и нередко случавшихся в СССР и США технических ошибок (ложной тревоги¹⁷) [Perry: 2015: 52-53] со стороны средств СПРН, главная опасность — это чрезвычайно короткое время, исчисляемое единицами минут (а Путин даже сказал — секунд), в течение которого руководство государства должно принимать решение о жизни и смерти человечества. Это не трудно в мирных условиях, например, при командных стратегических учениях с имитацией массовых запусков ракет. Тогда все системы предупреждения и связи работают бесперебойно и поступающие один за другим четкие рапорты командиров об успешном пуске вверенных им ракет согласно расчетному времени создают у начальства чувство удовлетворения и спокойствия за обороноспособность страны.

Но в реальной жизни это может происходить совсем иначе — в стрессовой ситуации, при поступлении противоречивой или ненадежной информации о намерениях противника, под страхом ежесекундной гибели в ядерной аннигиляции. К тому же в ходе кризиса некоторые действия другой стороны, имеющие целью повышение живучести сил для ответного удара, неотличимы от подготовки к нападению: массовый выход подводных ракетноносцев в море и подъем бомбардировщиков в воздух (после чего их местоположение и пуск крылатых ракет отслеживать крайне трудно), активизация авиационной и космической разведывательной деятельности, переброска тактических ядерных средств на передовые войсковые базы и установка их на носители. Ко всему в таких условиях резко повышается вероятность аварий, случайных боестолкновений и других инцидентов противостоящих вооруженных сил в районах их соприкосновения. Государственные лидеры будут получать информацию не напрямую, а от своих военных подчиненных. А те, стремясь избежать недооценки противника, будут исходить из худшего варианта интерпретации событий. Все эти моменты проявились во время Карибского кризиса октября 1962 г. В наше время из мемуаров и рассекреченных документов становится очевидно, что тогда избежать катастрофы удалось во многом благодаря счастливому стечению обстоятельств. Но нет никаких оснований рассчитывать на

95

¹⁶ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия, Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 19. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.03.2021).

¹⁷ См.: Спасший мир подполковник героем себя не считал. — *Независимое военное обозрение*. № 8. 2-8.03.2018. С. 12-18.

такое везение в будущем, тем более при сложности, скорости и автоматизации современных вооружений и их информационно-управляющих систем.

Ответственность за финальное решение о ядерном ударе военные всегда возлагают на политическое руководство, но последнее отнюдь не свободно в своем выборе. Наоборот, оно связано по рукам и ногам, являясь “заложником” оперативных планов и технических характеристик вооружений, разработанных военными ведомствами в мирное время задолго до чрезвычайной ситуации, все неожиданности которой не способен предугадать никакой компьютерный алгоритм.

Вековой исторический опыт свидетельствует, что чаще всего заготовленные планы войны рушатся, как только начинается стрельба. В России такой опыт накоплен от Финской и Отечественной войн до афганской и чеченской кампаний. Разница лишь в том, что в прежние времена и в нынешних локальных конфликтах крах военных планов приносил излишние неудачи и потери, но не означал непоправимой катастрофы, а с ядерным оружием дело обстоит именно так. С этими обстоятельствами связан еще один парадокс.

В парламентах и правительствах идут длительные обсуждения и голосования по вопросам налогообложения, социального обеспечения, пчеловодства. А решение о применении ядерного оружия законодательно возложено лишь на одного человека, даже если предположительно он может пользоваться советами подчиненных. Для обеспечения такой возможности в России и США имеются ядерные “чемоданчики” — портативные радиотерминалы, повсюду сопровождающие президентов вместе с дежурными офицерами и позволяющие дистанционно выдать закодированную санкцию на ядерный удар¹⁸.

В случае двух сверхдержав это решение не только о жизни и смерти своих народов, но и о выживании всего человечества. Обмен массированными ядерными ударами США и России за несколько часов убил бы сотни миллионов жителей северного полушария и разрушил все построенное там за последнюю тысячу лет, а остальной мир вверг бы в неандертальское состояние. О таком могуществе не могли мечтать фараоны, богдыханы и императоры прошлого. Однако любой человек имеет слабости и может совершать непродуманные шаги — вся окружающая жизнь тому иллюстрация. Но данный трюизм обретает роковой смысл, когда решение о “всемирной катастрофе” (как это назвал

¹⁸ В США такой аппарат (называемый там “футбол”) имеется у президента и вице-президента, за которыми законодательно закреплена цепочка из десятка с лишним лиц, начиная со спикеров двух палат Капитолия, министра финансов и др., причем министр обороны стоит далеко позади, а военных в списке вообще нет. По опубликованному данным, аналогичная российская система называется “Казбек”, и кроме президента есть два других “чемоданчика” с “ядерной кнопкой” — у министра обороны и начальника Генерального штаба Вооруженных сил. Великая тайна состоит в том, могут ли эти трое отдать приказ на запуск ракет только совместно (как с тремя составными частями кода) или каждый по отдельности. Уместно вспомнить эпизод, когда во время путча августа 1991 г. президент М. Горбачев был лишен “ядерной кнопки”, а потом в сумятице и министр обороны Д. Язов где-то потерял свой “чемоданчик”, но контроль над ядерными силами, похоже, не нарушился. В США, ввиду эксцентричности и невежества президента Д. Трампа, в Конгрессе развернулась серьезная кампания в пользу лишения президента монополии на “решение о конце света”. См. De Luce D. *Congress Questions Trump's Exclusive Hold on the Nuclear Football*. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/11/14/congress-questions-trumps-exclusive-hold-on-the-nuclear-football/> (accessed 31.05.2021); Сафранчук И. Будущее российских ядерных сил. Научные записки ПИП-Центра. Под ред. Д. Евстафьева. Ч. 3. URL: <http://www.pircenter.org/pages/34-no-10-1999-the-future-of-russia-s-nuclear-forces-in-russian> (accessed 31.05.2021).

Путин)¹⁹ нужно принять в стрессовой ситуации за несколько минут или даже секунд. В этом состоит истинно критический разрез ядерного сдерживания, который его адепты предпочитают не замечать.

Ошибочное решение о ядерном ударе и последующей гибели современной цивилизации столь опасно и необратимо по последствиям, что даже 99-процентная надежность предупреждения о начавшемся ядерном нападении не может считаться “достоверной информацией”. Таковой могут быть лишь зафиксированные реальные ядерные взрывы на своей территории и полная определенность относительно инициатора нападения — лишь это оправдывает применение ядерного оружия в так называемом *глубоком ответном ударе* в обдуманном адекватном масштабе.

Четвертая “ядерная апория” состоит в зависимости ядерного сдерживания от поспешного решения одного человека в стрессовой и неясной ситуации, когда технический сбой или человеческая ошибка могут повлечь всемирную катастрофу, которую сдерживание по идее должно предотвратить. В рамках современной версии ядерного сдерживания этот парадокс неразрешим, но его острота может быть частично снижена. Речь идет о переходе стратегических сил на концепцию “глубокого ответного удара”, предоставляющего руководству достаточно времени для выверенного решения, а по возможности — и в коллективном формате (например, в Совете безопасности)²⁰.

Дальнейшее повышение надежности сдерживания возможно не за счет средств и процедур мгновенного возмездия, а с помощью высокоживучих систем оружия (морского, наземно-мобильного базирования) и неуязвимой многократно дублированной информационно-управляющей системы, включая пункты государственного руководства и военного командования. Также необходима легитимная организационно-техническая схема преемственности главнокомандования на случай гибели высших должностных лиц. Именно на это следует в приоритетном порядке выделять необходимые ресурсы, а не на впечатляющие, но стратегически спорные системы оружия.

Более существенные меры выходят за пределы ядерного сдерживания и предполагают соглашения с другими державами о мерах предотвращения непреднамеренной войны, совместных центрах контроля военной обстановки и еще шире — об ограничении определенных вооружений, вооруженных сил и военной деятельности, взаимном снижении уровня боеготовности некоторых систем оружия, шагах по урегулированию конфликтов, исключению их эскалации.

ВОЕННАЯ ТЕХНИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗОНЫ

Концепция ответно-встречного удара служит яркой иллюстрацией давления военно-технических факторов ядерного оружия на концепции его применения и тем самым на политику ядерного сдерживания. Ракеты грунтово-мобильного базирования на маршрутах развертывания, подводные лодки в море и авиация в воздухе способны выжить в ходе ядерного нападения и на-

¹⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. 18.10.2018. — *Президент России. Официальный сайт*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed 31.05.2021).

²⁰ В ходе Карибского кризиса октября 1962 г. именно коллективный формат принятия решений в СССР и США во многом позволил предотвратить войну, но тогда не было концепций и средств ответно-встречного удара и “ядерных чемоданчиков”.

нести ответный удар, сравнимый с сотнями “хиросим”. Но, как видно, для причинения агрессору “неприемлемого ущерба”²¹, упомянутого в Военной доктрине, считается необходимым осуществить еще и ответно-встречный запуск ракет шахтного базирования, особенно самых мощных МБР тяжелого типа (как нынешний “Воевода” и будущий “Сармат”).

Однако это как раз означает, что технические характеристики вооружений диктуют решение высшего государственного руководства “о конце света”. Среди таких характеристик — невозможность сделать жидкостные МБР тяжелого типа мобильными, недостаточная взрывостойкость их шахтных пусковых установок²², привлекательность их высокой готовности к запуску. А угроза определяется количеством, точностью, мощностью боеголовок и подлетным временем ракет противника (15-20 мин.).

При администрации Трампа и в США увеличился акцент на концепцию ответно-встречного удара с применением МБР шахтного базирования. В Обзоре 2018 г. сказано: “Соединенные Штаты поддерживают часть ядерных сил в ежедневной высокой боеготовности и сохраняют вариант быстрого запуска таких сил... Это дает ясно понять противникам, что они не могут полагаться на стратегию уничтожения наших сил сдерживания внезапным первым ударом”²³. Понятно, что двусторонняя ориентация на эту концепцию влечет экспоненциальный рост угрозы непреднамеренной ядерной войны.

Помимо перечисленных факторов риска опасность может в будущем возрасти из-за того, что космические вооружения и средства кибервойны будут способны уничтожить или блокировать системы СПРН. Распространение ракет, особенно морского базирования, порождает опасность провокационных “анонимных” ударов третьей стороны из-под воды. Создание гиперзвуковых систем лишит наземные радары СПРН возможности своевременно определять траекторию полета ракет противника и район падения их боеголовок, а значит — ответно-встречный удар придется наносить лишь по сигналу спутников, которые периодически выдают ложную тревогу²⁴.

Другой пример влияния технологии на ядерное сдерживание связан с денонсацией в 2019 г. Договора о ракетах средней и меньшей дальности и вероятным развертыванием новых американских ракет на передовых рубежах

²¹ Военная доктрина Российской Федерации. — *Президент России. Официальный сайт*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

²² Россия стремится всемерно укреплять взрывостойкость пусковых шахт МБР, но это не может спасти ракету, когда точность попадания боеголовок противника (90-120 м отклонения) и их мощность (300-500 тыс. т в тротиловом эквиваленте) ведут к тому, что шахта оказывается в кратере ядерного взрыва.

²³ *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense, Washington, DC, February 2018. P. 21-22. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

²⁴ Космические средства сопровождения гиперзвуковых планирующих ракет будут интенсивно разрабатываться, но они, как и спутники раннего предупреждения, будут основываться на инфракрасных сенсорах, поскольку гиперзвуковые планирующие системы, летящие в стратосфере, нагреваются до высоких температур (В. Путин сравнил их с “летающим огненным шаром”). При этом сигнал тревоги со спутников не получит своевременного подтверждения на основе другого физического принципа — радиолокационного, поскольку РЛС СПРН засекут планирующие блоки лишь за 3-4 мин. до падения. Это снизит надежность системы предупреждения, поскольку одни и те же физические помехи могут повлиять на космические инфракрасные системы обнаружения пуска и сенсоры сопровождения ракетного нападения.

в Европе и Азии. Короткое подлетное время будущих баллистических и гиперзвуковых планирующих ракет способно подорвать российскую концепцию ответно-встречного удара, не оставив никакого времени для принятия политическим руководством соответствующего решения. Начальник Генштаба Вооруженных сил России В. Герасимов по этому поводу заявил: “Проводимая западными ‘партнерами’ политика вынуждает нас на угрозу отвечать созданием угрозы, планировать в перспективе нанесение ударов по центрам принятия решений, а также пусковым установкам, позволяющим применение крылатых ракет по объектам на территории России”²⁵. Эта формулировка, очевидно, подразумевает упреждающие удары, что подтверждают другие авторитетные военачальники²⁶. Такая логика нацелена на то, чтобы вывести ракеты средней дальности и стратегического класса из-под удара. Однако последующий ответный ядерный удар из-за океана в любом случае стал бы губительным для России. А если и США вслед за Россией примут концепцию упреждающего удара (как в последние годы — ответно-встречного), то возможная кризисная ситуация заставит обе стороны играть на опережение. Причем не по каким-то существенным политическим мотивам, а из-за недостаточной живучести ракетных пусковых установок и системы управления в условиях гипотетического первого удара ракет средней дальности, размещенных в Европе и Азии.

Из сказанного можно сделать вывод, что хрестоматийная формула Карла фон Клаузевица “война есть продолжение политики иными средствами” [Клаузевиц 1934: 28] в наше время требует коррекции. В теории интересы политики безопасности определяют ориентацию на ядерное сдерживание. Но на практике все более эффективная и сложная военная техника в возрастающей мере диктует оперативно-стратегические концепции, которые подчас угрожают спровоцировать вооруженный конфликт и вызвать катастрофу, которую сдерживание в идеале призвано предотвратить. Поэтому сейчас Клаузевиц должен был бы расширить свой афоризм: война может стать продолжением военных доктрин и оперативных планов, которые существуют отдельно от политических интересов. Это *пятая “апория ядерного сдерживания”*. Она частично может быть решена техническими мерами²⁷, но лишь при условии существенной коррекции оперативных планов ядерного сдерживания, что предполагает политические решения за рамками последнего²⁸.

ОГРАНИЧЕННАЯ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА

Сакраментальный вопрос, над которым многие десятилетия бьются стратегические теоретики и практики, — что делать, если ядерное сдерживание “не сработает”? Например, если нападение противника с использованием

²⁵ Герасимов В. Генштаб планирует удары. — *Военно-промышленный курьер*. № 9. 12-18.03.2019. С. 6.

²⁶ См. интервью: Генерал-полковник Виктор Есин: “Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара”. — *Звезда*. 09.11.2018. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2018117102-0iaA1.html> (accessed 30.11.2021).

²⁷ Например, речь идет о переходе на моноблочные МБР шахтного базирования, удар по которым требует двойного расхода боеголовок, и грунтово-мобильные многозарядные ракеты, которые на маршрутах нельзя поразить запрограммированным ракетным ударом.

²⁸ Имеется в виду отказ от любого первого применения ядерного оружия, ориентация на “глубокий ответный удар” стратегических сил, снижение критериев “неприемлемого ущерба” противника.

сил общего назначения создаст угрозу неминуемого военного поражения, если другая сторона применит ядерное оружие избирательным образом, если она использует другие виды оружия массового уничтожения или кибератаки на информационно-управляющие системы?

Ответ на эту дилемму в виде концепции ограниченной ядерной войны является крайне противоречивым и в настоящее время самым опасным элементом отношений на основе ядерного сдерживания. Изначально такого рода стратегия и соответствующие вооружения выдвигались со стороны США и НАТО как в масштабе театров военных действий в Европе и Азии, так и на стратегическом уровне в 1960-е, а затем в начале 1970-х годов²⁹. Но эти планы разбивались о вероятность массированного ядерного ответа СССР, который категорически отвергал подобные идеи, не проводил различия между стратегическим и тактическим ядерным оружием, как и между ядерной войной в глобальном и региональном масштабе, но всемерно усиливал потенциал “сокрушительного возмездия”.

Однако после крушения Советского Союза и принятия демократической Россией курса на всемерную интеграцию с Западом в российской политике ядерного сдерживания начались другие веяния. Сначала в 1993 г. Россия деэскалировала торжественное обязательство СССР от 1982 г. о неприменении первым ядерного оружия. Еще через десять лет в доктринальном документе Министерства обороны от 2003 г. было сформулировано положение о возможности ограниченной ядерной войны: “деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения”. Предполагался и вариант “дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания”³⁰.

Эти тезисы вызвали немалый ажиотаж за рубежом, и с тех пор очередные издания Военной доктрины РФ и другие официальные стратегические документы прямо не упоминали подобных идей. В то же время принятые доктринальные формулировки не исключают такого рода действий, поскольку не уточняется, каким образом Москва может “применить ядерное оружие... в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства”³¹. Рассуждая логически, устранение угрозы “существованию государства” не должно вести к его уничтожению в результате обмена массированными ядерными ударами. Если ставится цель остановить неядерную агрессию, то это подразумевает ограниченное применение ядерного оружия с целью закончить войну, не доводя ее до взаимного уничтожения. Не ясно и то, что может считаться “угрозой самому существованию государства”.

Некоторые директивные документы последних лет тоже можно интерпретировать в духе стратегии ограниченной ядерной войны. Так, в Ядерной

²⁹ Secretary of Defense James R. Schlesinger. *Annual Defense Department Report, FY 1975*. Government Printing Office, Washington, D.C. March 4, 1974. URL: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1975_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-150705-323 (accessed 02.02.2021).

³⁰ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. — *Красная звезда*. 11.10.2003. URL: http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (accessed 02.02.2021).

³¹ *Военная доктрина Российской Федерации*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

доктрине 2020 г. указано, что “в случае возникновения военного конфликта” политика сдерживания “гарантирует — недопущение эскалации военных действий и их прекращение на приемлемых для Российской Федерации и (или) ее союзников условиях”³². Можно допустить, что это предполагается делать, не переходя “ядерный порог”, но тогда речь должна идти о силах общего назначения, а весь документ посвящен ядерному оружию. В другом официальном издании, посвященном военно-морской деятельности, отмечено: “В условиях эскалации военного конфликта демонстрация готовности и решимости применения силы с использованием нестратегического ядерного оружия является действенным сдерживающим фактором”³³. При этом не объясняется, как продемонстрировать “готовность и решимость”, не применяя ядерное оружие. В обоих случаях идея ограниченного применения ядерного оружия выражена не прямо, а косвенно, но в ряде публикаций российских военных специалистов (на действительной службе) недвусмысленно обосновывается “ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезать агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам”³⁴.

Так или иначе, пришла пора Москве на официальном уровне прояснить этот вопрос, ставший центральной темой отношений России и США в сфере ядерного сдерживания. Правда, на сей счет есть и другое мнение. Все без исключения ядерные государства сохраняют ту или иную меру неопределенности в своих доктринах, полагая, что это способствует сдерживанию. Такой линии придерживается и Россия, в Ядерной доктрине которой прямо указано, что принципом ядерного сдерживания является “неопределенность для потенциального противника масштаба, времени и места возможного применения сил и средств ядерного сдерживания”³⁵.

Однако неопределенность может сыграть и в другую сторону — спровоцировать ядерную войну, особенно в условиях обострения международных конфликтов, высокого уровня вооруженного противостояния великих держав, усложнения и ускорения процесса оценки информации в кризисной ситуации. Помимо возможности рокового просчета, неопределенность в политике другой стороны используется для нагнетания напряженности и оправдания собственных стратегических концепций и программ вооружений, что отчетливо обнаружилось в политике США.

Это ярко проявилось и в ядерной доктрине Трампа 2018 г.: “Недавние российские заявления в духе развития ядерной доктрины создают впечатление о снижении порога первого применения ядерного оружия со стороны

³² Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия, Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 4. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 01.02.2021).

³³ Указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 “Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625734/> (accessed 02.02.2021).

³⁴ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. Аэростат — друг “Сармата”. — Военно-промышленный курьер. 12.10.2016. URL: https://vpk.name/news/165525_aerostat_drug_sarmata.html (accessed 02.02.2021).

³⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. № 355. П. 15. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006020040?index=2&rangeSize=1> (accessed 02.02.2021).

Москвы. Россия демонстрирует свое представление о преимуществах систем такого оружия путем многочисленных (военных) учений и заявлений. Исправление подобного ошибочного российского взгляда стало стратегическим императивом. В качестве реакции на такого рода вызовы и в целях сохранения стабильности сдерживания Соединенные Штаты будут расширять гибкость и диапазон своих соразмеренных опций сдерживания”³⁶. Это не просто декларация, поскольку в качестве материальной основы данной концепции принят целый “пакет” разработок ядерного оружия³⁷.

Главный парадокс концепции ограниченной ядерной войны состоит в том, что атрибуты максимально эффективного сдерживания во многом противоположны методам практического ведения войны, если бы она все-таки началась вопреки сдерживанию. Первое подразумевает незамедлительные массированные удары с задействованием всех сил без остатка с причинением максимальных потерь населению, промышленности, государственному руководству и вооруженным силам противника. А второе полагает избегать преднамеренного уничтожения мирных жителей и не вызывать экологическую катастрофу, контролировать эскалацию и сохранять возможность договориться о прекращении войны (что означает сохранение элементов государственного управления противника). Второй подход диктуется также принципами морали и международного гуманитарного права. Но в то же время такой принцип делает ядерную войну менее немыслимой, оставляет надежду на национальное выживание и ограничение ущерба.

В этом заключается еще одна, *шестая “ядерная апория”*: сдерживание предусматривает варианты ограниченного применения ядерного оружия, что ослабляет сдерживание и повышает вероятность войны, которую, скорее всего, не удастся вести по каким-то правилам.

НАПАДЕНИЕ И ОБОРОНА

Эпоха ядерного сдерживания поставила с ног на голову еще одну традиционную истину — что оборона является благом и обеспечивает мир. Когда к концу 1960-х годов в основу безопасности было положено сдерживание нападения за счет возможности сокрушительного ответного удара, противоракетная оборона (ПРО) предстала совсем в другом свете. Роберт Макнамара сделал вывод, что такие системы создавали мощный дополнительный стимул для гонки вооружений. В упомянутой речи в Сан-Франциско (1967 г.) он объяснил: “Если мы начнем развертывание плотной системы ПРО, то сколько бы она ни стоила, мы можем быть уверены, что Советы среагируют с целью нейтрализовать любое преимущество, на которое мы могли бы надеяться” [McNamara 1968: 51-67].

³⁶ *Nuclear Posture Review*. Office of the Secretary of Defense. February 2018, Washington, DC. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed 01.03.2021).

³⁷ Как средство ограниченных ядерных ударов часть баллистических ракет подводных лодок “Трайдент-2” были оснащены ядерными боеголовками пониженной мощности (W76-2), было намерено возродить снятые с вооружения ВМС в 2011 г. ядерные крылатые ракеты морского базирования и разработать управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) для тактической и стратегической авиации, а также новые крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (*LRSO — long-range stand-off missile*).

Для своего времени эта идея была поистине революционной, и неудивительно, что в июне 1967 г. на встрече президента Л. Джонсона с председателем Совета министров СССР А. Косыгиным в Гласборо (США, Нью-Джерси) советская сторона отвергла предложение Макнамары взаимно ограничить системы ПРО обеих держав. Но вскоре логика Макнамары была принята в Москве, тем более что в 1969 г. США приступили к развертыванию собственной противоракетной системы “Сейфгард”. В результате в 1972 г. был заключен Договор об ограничении систем ПРО.

Шли годы, и стороны диаметрально поменялись местами в позициях по этому вопросу. Соединенные Штаты, выйдя из Договора по ПРО в 2002 г., теперь вступают инициатором развития противоракетной обороны, обосновывая ее необходимостью защиты от ракет третьих стран (КНДР, Ирана, по умолчанию, вероятно, Китая и Пакистана). Россия воспринимает это как угрозу себе и настаивает на строгом ограничении таких систем. В нашумевшем Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. В. Путин еще раз объяснил важность прошлого Договора по ПРО: “Данное соглашение... гарантировало от бездумного, опасного для всего человечества применения одной из сторон ядерного оружия, поскольку ограниченность систем противоракетной обороны делала потенциального агрессора уязвимым для ответного удара”³⁸. И по логике Макнамары им была обнародована широкая программа развития наступательных вооружений для преодоления американской системы ПРО³⁹.

Правда, с точки зрения теории сдерживания, ПРО не обязательно должна дестабилизировать. Например, если система предназначена для защиты стратегических сил от разоружающего удара ядерных или неядерных наступательных вооружений противника, то она укрепляет потенциал ответного удара и усиливает сдерживание. То же относится к противоракетной обороне территории (городов и критических гражданских объектов) от ограниченного применения ядерного оружия, ракетного нападения третьих стран, удара экстремистских режимов или террористов, случайных пусков ракет. Все это ныне становится серьезной угрозой по мере распространения в мире ядерного оружия и ракетных технологий.

В принципе, это могло бы стать предметом договоренности России и США: ограничить дестабилизирующие системы ПРО, предназначенные для защиты городов от ответного удара другой стороны, но разрешить оборону для парирования разоружающего удара или ограниченного нападения третьих стран и террористов. В 2002-2011 гг. между двумя державами велись официальные переговоры, а также научные исследования по сотрудничеству в развитии систем ПРО. Однако они оказались безрезультатны. Разграничить стабилизирующие и дестабилизирующие противоракетные системы на прак-

³⁸ Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. — *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 15.03.2021).

³⁹ Эта программа включала создание тяжелой МБР “Сармат”, оснащение МБР РС-18 (SS-19) гиперзвуковым планирующим блоком “Авангард”, разработку межконтинентальной крылатой ракеты наземного базирования с атомным двигателем “Буревестник”, подводного автономного аппарата межконтинентальной дальности с атомным двигателем “Посейдон”, гиперзвуковой аэробаллистической ракеты средней дальности “Кинжал”.

тике гораздо труднее, чем в теории, в силу стратегических, технических и политических различий между сторонами.

В обозримое время никакая система ПРО не сможет отразить ни ответный, ни тем более первый ядерный удар сверхдержав. Но концепция и средства ограниченной ядерной войны дают обороне “второе дыхание”, рождая сценарии обмена ограниченными ударами, в которых ПРО способна играть важную роль, как и новые системы ее преодоления (например, гиперзвуковые ракеты в ядерном и обычном оснащении). А заодно открываются просторы для нескончаемой гонки оборонительных и наступательных вооружений, которую в свое время на 30 лет притормозил Договор по ПРО.

Эта проблема остается камнем преткновения в диалоге России и США об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений, в том числе на переговорах о следующем договоре СНВ, которым открыло путь продление Договора СНВ-3 в феврале и женевский саммит в июне 2021 г. Возможно, когда-нибудь стороны договорятся о переходе на взаимное сдерживание с опорой на эффективные оборонительные системы при согласованном глубоком сокращении наступательных вооружений. Но на этом пути необходимо избежать возникновения иллюзий по поводу отмеченной президентом Путиным возможности *безнаказанного* ядерного нападения.

С точки зрения общечеловеческих ценностей, угроза уничтожения населения аморальна, а его защита — высокоморальна. Но в нынешней системе ядерного сдерживания между Россией и США все обстоит как раз наоборот — стремление к защите населения и промышленности с помощью противоракетной обороны повышает опасность ядерной войны с последующим уничтожением мирного населения, несмотря ни на какую ПРО. Это очередная, *седьмая “ядерная апория”* современности.

ПАГУБНЫЙ СИМБИОЗ

В настоящее время стратегические отношения великих держав выходят за рамки баланса ядерных вооружений. Главное направление военно-технического прогресса — это развитие разнообразных конвенциональных (неядерных) высокоточных наступательных систем большой дальности (свыше 500–600 км), способных поражать обычными боезарядами цели, которые в прошлом можно было уничтожить только с использованием ядерных боеприпасов⁴⁰. Неядерные системы большой дальности вторгаются в стратегический баланс через концепцию “конвенционального (обычного) сдерживания”, провозглашенную в официальных документах США и Военной доктрине России, где сказано, что “в рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерацией предусматривается применение высокоточного оружия”⁴¹. Сначала предполагали,

⁴⁰ Речь идет о таких системах США, как крылатые ракеты морского базирования типа “Томахок” (BGM-109), крылатые ракеты воздушного базирования (AGM-84, AGM-158B JASSM-ER, AGM-183A, X-51). Россия тоже развивает свой арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа ЗМ-14 “Калибр” и ЗМ22 “Циркон”, авиационные ракеты типа X-555, X-101 и X-47M2 “Кинжал”. За несколько лет к 2018 г. количество высокоточных крылатых ракет РФ выросло более чем в 30 раз. См. *Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г., Москва*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 10.03.2021).

⁴¹ *Военная доктрина Российской Федерации*. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2021).

что эта концепция будет поднимать “ядерный порог”, но оказалось, что она влечет его опасное снижение. Политически такие системы легче применить, чем ядерное оружие, но они способны повлечь неуправляемую эскалацию конфликта, что можно расценить как восьмую “апорию сдерживания”.

Указанные средства создают угрозу неядерного нападения держав на ядерные силы друг друга. Пока неясно, будет ли достаточна их точность для поражения защищенных объектов (шахты МБР, командные пункты) и смогут ли они уничтожать наземно-мобильные ракеты. Однако несомненно, что широкий круг стационарных незащищенных объектов стратегических сил уязвим даже для прежних дозвуковых неядерных крылатых ракет⁴². Тем более, что на смену дозвуковым крылатым ракетам воздушного, наземного и морского базирования идут гиперзвуковые ракетно-планирующие, воздушно-реактивные и аэробаллистические вооружения⁴³.

Эффект “смешивания” ядерного оружия и высокоточных обычных вооружений — это важнейший дестабилизирующий фактор современной стратегической обстановки. К тому же расширяется развертывание носителей двойного назначения — с ядерным и обычным боезарядом⁴⁴, и в случае их применения характер удара нельзя будет определить до момента подрыва боевой части носителя. В итоге “поплыли” традиционные категории ядерного сдерживания (“ядерный порог”, паритет, живучесть и уязвимость систем оружия, атрибуты ответного удара, неприемлемый ущерб, предотвращение эскалации и пр.). В последнее время появились даже концепции координированного применения ядерных и обычных вооружений.

В июне 2019 г. произошла утечка информации в печать о докладе Комитета начальников штабов США. В нем, в частности, указывалось: “Применение ядерных вооружений может создать условия для достижения решающих результатов и восстановления стратегической стабильности... Ядерное оружие может быть включено в ведение кампании... с целью эскалации конфликта для достижения мира на более выгодных условиях... Интеграция применения ядерных вооружений с ведением обычных или специальных операций имеет исключительную важность для успеха любых (военных) миссий или операций”⁴⁵. Соответственно, в США разрабатывается стратегия “многодоменной” войны: военных действий с тесной интеграцией операций на суше, море, в воздухе, космическом и кибернетическом пространствах [Feickert 2019].

В России не происходит подобных утечек информации, но она готовит свой ответ на “многодоменную” стратегию США. О направлении военной мысли свидетельствуют, например, предложения интеллектуальной элиты

⁴² Сюда относятся радары СПРН, ПРО и ПВО, легкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы в базах и тяжелые бомбардировщики на аэродромах, хранилища ядерных боеприпасов на войсковых базах, пункты связи и управления космическими аппаратами, подводными лодками и дальней авиацией.

⁴³ Это американские ракеты воздушного базирования (AGM-183A, X-51) и возможные наземные ракеты средней дальности США после денонсации Договора РСМД: *Precision Strike Missile (PrSM)*, *Ballistic missile with trajectory shaping vehicles (BMTSVs)*, *Long Range Hypersonic Weapon (LRHW)* [см. Pifer 2019: 1-7]. Россия создает гиперзвуковые морские ракеты типа ЗМ22 “Циркон”, авиационные ракеты типа Х47М2 “Кинжал”.

⁴⁴ Это относится к КРМБ “Калибр” РФ и “Томахок” США, авиационным крылатым ракетам типа Х-101/102 РФ и в будущем — ЛРСО (LRSO - Long range stand-off) у США.

⁴⁵ *Joint Publication 3-72. Nuclear Operations*. Joint Chiefs of Staff. 11.06.2019. P. III-3, V-3. URL: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (accessed 10.03.2021).

Воздушно-космических сил: “Российская Федерация способна перейти от политики сдерживания потенциального противника ядерным оружием к политике устрашения нанесением ему неприемлемого комплексного поражения всеми видами вооружений в рамках превентивных действий в условиях нависшей над Российской Федерацией угрозы локальной войны”⁴⁶.

На ядерное сдерживание в доктринах России, США и ряда других ядерных государств возложена задача предотвращать агрессию с применением обычных вооруженных сил. Однако тенденция к интеграции вооружений в ядерном и обычном оснащении формирует взгляд на ядерное оружие как на средство вполне практического применения и достижения успеха — если не решительной победы над врагом, то для “достижения мира на более выгодных условиях”. Ядерное сдерживание для предотвращения обычной войны переходит в стратегию ведения гибридной ядерно-обычной войны, отрицая самое себя по диалектике Гегеля, что представляет собой еще одну, девятую “апорию сдерживания”.

Отмеченные факторы служат яркой иллюстрацией тенденции к саморазрушению ядерного сдерживания как изнутри (через концепции ограниченной ядерной войны), так и извне (в ходе технического и оперативного переплетения ядерных и обычных вооружений, автоматизации систем управления). По мере наращивания потенциалов “сдерживания” третьими ядерными государствами и с вероятностью дальнейшего распространения ядерного оружия и его носителей (наряду с ракетно-планирующими, противоракетными и космическими вооружениями) рассмотренные опасности будут экспоненциально нарастать. Проблемы ядерной многополярности заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь достаточно подчеркнуть, что ядерное сдерживание и на эти вызовы не дает адекватного ответа, но усугубляет угрозы ядерного распространения.

КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ СДЕРЖИВАНИЕМ

Долго служившая в качестве “наименьшего зла” политика ядерного сдерживания превращается в наибольшее зло — если не регулируется соглашениями по контролю над вооружениями. Как известно, диалог в этой области с 1969 г. основывался на принципе паритета в формуле “равенства и одинаковой безопасности”, а после 1990 г. — на концепции “стратегической стабильности”. Она предполагала использование контроля над вооружениями для формирования такого состояния стратегических отношений сторон (т.е. взаимного ядерного сдерживания), при котором “устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара”. Для этого были согласованы несколько конкретных принципов ограничения и сокращения стратегических вооружений⁴⁷ и на них были построены шесть соглашений в этой области, начиная с Договора СНВ-1 и заканчивая текущим Договором СНВ-3.

⁴⁶ Ходаренок М. Лозунги упреждающего удара. — *Независимое военное обозрение*. 19-25.02.2021. № 6. С. 1-3.

⁴⁷ К ним относятся: учет взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны); уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с еще большим числом боезарядов); оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом). См. *Soviet–United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability*. 01.06.1990. URL: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/1938> (accessed 15.03.2021).

В итоге соглашений стратегический баланс сейчас выглядит значительно более стабильным, чем на пороге 1990-х годов. Соотношение числа боезарядов снизилось в семь раз, а носителей в три раза, повысилась выживаемость стратегических сил России и США. Тем не менее за последние десять лет контроль над вооружениями переживал стагнацию, перешедшую в кризис с денонсацией российско-американского Договора по ракетам средней и меньшей дальности в 2019 г. В таких условиях политики, специалисты, общественность снова ощущают растущую угрозу ядерной войны. Именно это чувство выразил Путин в октябре 2020 г. на валдайской встрече: “У мира не будет будущего, если не будет каких-то ограничений в сфере гонки вооружений...”⁴⁸

Но есть и другой взгляд на кризис, который исходит из предпосылки, что он стал неизбежен ввиду коренных перемен в миропорядке и появления революционных военных технологий, которые упразднили прежние методы контроля над ядерным оружием. Такие взгляды сначала высказывались за рубежом⁴⁹, а затем перекочевали в Россию. Сторонники этой точки зрения утверждают, что “прежнее понимание стратегической стабильности как отсутствия у России и Соединенных Штатов стимула нанести первый ядерный удар друг по другу уже не отражает положения вещей” [см. Караганов, Суслов 2019].

Действительно, успешный разоружающий ядерный удар сверхдержав друг по другу ныне невозможен. Но такое состояние стратегических отношений сложилось не само собой, а благодаря десяти важнейшим договорам и соглашениям по контролю над вооружениями, заключенным после 1972 г. Уход с проложенного ими пути вернет прежнюю угрозу первого ядерного удара в отношения взаимного ядерного сдерживания России и США. Этот задел необходимо во что бы то ни стало сохранить как фундамент стабильности. Другое дело, что рассмотренные выше новейшие технологии требуют адаптации концепции стабильности и учета ею возможных дополнительных стимулов к первому ядерному удару (на июньском саммите 2021 г. в Женеве Россия и США договорились начать двусторонний Диалог по стратегической стабильности).

И для этого нет иного способа, кроме продолжения и расширения контроля над вооружениями. Раз третьи страны в ближайшие годы не присоединятся к этому процессу и поскольку пределы безопасного с точки зрения стабильности дальнейшего сокращения стратегических вооружений пока не просчитаны, — в повестку следующего договора СНВ нужно поставить не очередное глубокое сокращение ядерного оружия, а расширение охвата и ужесточение мер ограничения вооружений. Речь идет прежде всего об ограничении — помимо традиционных баллистических ракет и тяжелых бомбардировщиков — всех ядерных крылатых ракет большой дальности морского и воздушного базирования, аэробаллистических ракет и ядерных авиабомб на стратегической авиации⁵⁰. То же относится к новейшим гиперзвуковым

⁴⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — *Президент России. Официальный сайт*. 22.10.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (accessed 31.05.2021).

⁴⁹ *Creating the Conditions for Nuclear Disarmament (CCND)*. Working Paper Submitted by the United States of America. URL: <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30> (accessed 25.05.2021); *Speech by Ms Alice Guillon, Permanent Representative of France to the Conference on Disarmament, Head of the French Delegation*. Geneva, 23.04.2018. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/18559222/france-new1.pdf> (accessed 31.05.2021).

⁵⁰ По Договору СНВ-3 бомбардировщики с ядерными крылатыми ракетами и авиабомбами засчитывались как один носитель и один боезаряд, хотя в реальности на каждом их могло быть от 6 до 12 ед. Крылатые ракеты морского базирования не ограничивались вовсе.

планирующим системам большой дальности наземного, авиационного и морского базирования в любом оснащении, межконтинентальным крылатым ракетами и глубоководным беспилотным носителям оружия, орбитальным и частично-орбитальным ракетами. Также нужно согласовать стабилизирующую регламентацию систем противоракетной обороны, ограничение развития ударных космических вооружений, меры доверия в кибернетической сфере, те или иные подходы к неразвернутым (в том числе тактическим) ядерным боеприпасам в хранилищах разного типа.

В свете столь трудоемких предстоящих задач весьма странно выглядят умиротворяющие суждения некоторых уважаемых в России и за рубежом специалистов: “Мы не должны оплакивать уход контроля над вооружениями, который на протяжении полувека давал миру какой-то элемент стабильности — более психологический, чем реальный. Ядерное сдерживание было и остается ключом к стратегической стабильности. Сделать его более эффективным — высший приоритет. Именно это, а не контроль над вооружениями, есть единственный базис стратегической стабильности. В полицентричном и нерегулируемом ядерном мире стратегическая стабильность может и должна быть дополнена надежными коммуникациями, контактами, мерами транспарентности и сдержанности соответствующих сторон. Инвестирование в эти меры более разумно, чем попытки спасти контроль над вооружениями или навязать его противящимся сторонам” [Trenin 2020].

Между тем в прошедшие годы психологический эффект имел не столько контроль над вооружениями, сколько ядерное сдерживание, действенность которого зависела от восприятия своих и чужих ядерных потенциалов руководителями противостоящих держав. Что касается контроля над вооружениями, то он существенно влиял именно на материальный базис ядерного сдерживания. К тому же он обозначал условное разграничение между двумя сопряженными функциями ядерного сдерживания: предотвращением войны и реальным ведением войны. Охваченные договорами системы и характеристики вооружений относятся к первой, а неохваченные — ко второй категории.

Понятно, что это размежевание относительно: все ограниченные соглашениями вооружения (за исключением запрещенных и ликвидированных) сохраняют ядерные заряды и полетные программы к заданным целям. Однако в качестве предмета договоров такие системы оружия остаются в руках каждой стороны юридически как бы “по разрешению” другой — в качестве приемлемого для нее средства сдерживания, а не достижения победы. Таким образом, изменение логических рамок подхода к ядерному сдерживанию прорывает его тупики с помощью договоров.

Также очевидно, что без контроля над вооружениями не может быть никаких “надежных коммуникаций, контактов и сдержанности”. Без предметных переговоров эти контакты превращаются в абстрактные диспуты. Они увлекательны и полезны на экспертных форумах, но бесплодны на межгосударственном уровне. Первая и, к сожалению, последняя концепция “стратегической стабильности” была согласована ядерными державами не на научных конференциях, а на переговорах по Договору СНВ-1 и выразилась в его статьях, как и в положениях пяти последующих соглашений. В отсутствие контрольно-ограничительных мер не будет и “транспарентности”, поскольку

различные политические системы обуславливают разную степень открытости военной информации в США и России. Последняя из-за долгой паузы в переговорном процессе возвращается к советским традициям, когда даже от своей общественности засекречивается информация, предоставляемая, как теперь не без сарказма говорят, зарубежным “вероятным партнерам”.

Конечно, контроль над вооружениями не надо идеализировать, он не избавлен от собственных противоречий. Процесс регулярно сбивают с курса политические конфликты сверхдержав (вокруг Афганистана в 1979 г., Югославии в 1999 г., Крыма и Донбасса в 2014 г.), а подчас и безответственные высказывания. После глубоких сокращений стратегических вооружений с начала 1990-х годов неясно, как далеко можно идти по этому пути, чтобы не понижать выживаемость сил ответного удара, их способность преодолевать системы ПРО и чтобы ядерная война не стала менее немыслимой по своим последствиям. Также непонятно, до каких пор допустимо двигаться в двустороннем формате, на каких принципах и в каком составе участников переходить к многостороннему взаимодействию.

Режимы верификации соглашений определяются условиями договоров, а последние зависят от возможности надежной проверки, которая нередко сталкивается с преградой секретности. К тому же по одним и тем же вопросам стороны регулярно меняются местами (ограничение систем ПРО, ракет средней дальности, многозарядных баллистических ракет, авиационных и морских крылатых ракет и пр.).

При хороших отношениях необходимость контроля над вооружениями ставится под сомнение: мол, такие договоры нужны между врагами, а не партнерами (так твердили в конце 1990-х и начале 2000-х годов, что повлекло стагнацию процесса). А при плохих (как сейчас) говорят, что соглашения невозможны, потому что между сторонами нет доверия. Однако доверие рождается не взаимными комплиментами лидеров, а согласованием интересов и договорами государств, их неукоснительным соблюдением.

Впрочем, отмеченные противоречия нельзя отнести к разряду зеноновских апорий — парадоксов, нерешаемых в заданной системе логических координат. При наличии политической воли сторон противоречия контроля над вооружениями рано или поздно разрешались именно в его контексте, что подтверждают шесть десятилетий истории этого процесса (начиная с Договора о частичном запрещении ядерных испытаний 1963 г.). В отличие от этого “ядерные апории” неразрешимы в контексте ядерного сдерживания, и об этом тоже свидетельствуют десятилетия его эволюции.

Кстати, об истории. Главный исторический довод адептов ядерного сдерживания состоит в том, что благодаря ему мир в течение семи десятилетий пережил только локальные конфликты, но избежал глобальной войны. Этот аргумент нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку история, в данном случае к счастью, не знает сослагательного наклонения. Однако такие периоды бывали и в прошлом, когда ядерное оружие никто не мог даже вообразить. Большой войны не было целый век между наполеоновскими походами и Первой мировой войной. А до того — в течение полутора столетий между Тридцатилетней войной и завоеваниями Бонапарта. Так что ядерный век по длительности еще не доказал свою историческую устойчивость.

Приведенный обзор парадоксов ядерного сдерживания — современной версии апорий Зенона, конечно, не является исчерпывающим. Но и он убедительно показывает, что эта система отношений отнюдь не идеальна и эволюционирует в угрожающем направлении. Безопасность государств, основанная на способности за несколько часов убить сотни миллионов граждан друг друга, не является надежной конструкцией военных отношений (не говоря уже о моральной стороне дела). Поклонникам ядерного сдерживания пора понять, что без контроля над вооружениями его противоречия неразрешимы, “зеноновский” эффект обращает ядерное сдерживание в свою противоположность и в условиях роста напряженности и развития военных технологий угрожает срывом в глобальную катастрофу.

В то же время очевидно, что ядерное сдерживание нельзя разом “взять и отменить”. Оно стало неотъемлемым элементом современного миропорядка и полем научно-технического прогресса и потому останется с нами на обозримое будущее. Без коренного изменения миропорядка нельзя отказаться от ядерного сдерживания, а без последовательного ядерного разоружения невозможно кардинально улучшить миропорядок. Вероятно, это еще одна, *десятая “ядерная апория”* современности. Ее разрешение в том, чтобы научиться и дальше жить с ядерным сдерживанием, не уповая на него, как на панацею, а активно регламентируя и “обезвреживая” его с помощью двусторонних и многосторонних контрольно-ограничительных норм и механизмов. Это единственно возможный путь выживания нашей цивилизации, пока она не придумает, как заменить потенциалы взаимного массового убийства иным фундаментом безопасности, более соответствующим возвышенному титулу “цивилизация”.

DOI: [10.17976/jpps/2021.04.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08)

THE TEN APORIAS OF OUR TIME. THE THEORY AND PRACTICE OF NUCLEAR DETERRENCE

A.G. Arbatov¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

ARBATOV, Alexei Georgievich, Full Member of RAS, Director, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: arbatov@imemo.ru

Arbatov A.G. The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence. — Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 88-111. (In Russ). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.08>

Received: 12.04.2021. Accepted: 25.05.2021

Abstract. Rising international tensions and the risks of sliding towards a nuclear conflict in the face of the erosion of the arms control system between Russia and the West is becoming an essential subject of modern political discourse. In particular, the author investigates the psychological aspects of deterrence, the dichotomy of its functions of preventing and conducting nuclear war, the concepts of first and retaliatory strike, the dialectics of defense and offence, and plans for limited nuclear war, the effect of the entanglement of nuclear and conventional weapons.

Keywords: limited nuclear war, launch-on-warning, escalation, ballistic missiles, hypersonic systems, space weapons, cyberwarfare, missile defense, arms control.

References

- Brodie B. 1955. Strategy Hits a Dead End. — *Harper's*. (Oct.). P. 33-37.
- Ellsberg D. 2017. *The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner*. New York: Bloomsbury.
- Feickert A. 2019. The U.S. Army and Multi-Domain Operations. — *CRS Insight*. IN11019.
- Kaplan F. 1983. *The Wizards of Armageddon*. New York: Simon&Schuster.
- McNamara R. 1968. *The Essence of Security: Reflections in Office*. New York: Harper&Row.
- Newhouse J. 1989. *War and Peace in the Nuclear Age*. New York: Alfred A. Knopf, Inc.
- Perry W.J. 2015. *My Journey at the Nuclear Brink*. Stanford, CA: Stanford California Press.
- Pifer S. 2019. The Death of the INF Treaty has Given Birth to New Missile Possibilities. — *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/death-inf-treaty-has-given-birth-new-missile-possibilities-81546> (accessed 03.06.2021).
- SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security*. 2019. Oxford: Oxford University Press.
- Trenin D. 2020. Stability amid Strategic Deregulation: Managing the End of Nuclear Arms Control. — *The Washington Quarterly*. Vol. 43. No. 3. P. 161-175. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1813401>
- Clausewitz K. 1934. Vom Krieg. (Russ. ed.: Clausewitz K. *O voine*. Moscow: Gosvoenizdat).
- Karaganov S., Suslov D. 2019. Deterrence in a New Era. — *Russia in Global Affairs*. No. 4. P. 22-37. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (accessed 17.09.2019).
- Strategicheskoe yadernoe vooruzhenie Rossii* [Russia's Strategic Nuclear Weapons]. 1998. Ed. by P. Podvig. Moscow: IzdAT. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Караганов С., Суслов Д. 2019. Сдерживание в новую эпоху. — *Россия в глобальной политике*. № 4. С. 22-37. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (accessed 17.09.2019).
- Клаузевиц К. 1934. *О войне*. Ч. I. Гл. I. М.: Госвоениздат.
- Стратегическое ядерное вооружение России*. 1998. Под ред. П. Подвига. М.: ИздАТ.